

Павел ЗЫРЯНОВ

Столыпин и судьбы русской деревни

Одно из неожиданных явлений общественной жизни нашего времени небывалый рост интереса к фигуре П. Столыпина, государственного деятеля дореволюционной России, всего пять лет, с 1906 по 1911 г., находившегося у власти. О Столыпине заговорили все: публицисты и экономисты, партийные работники и телекомментаторы. Некоторые издательские работники, те самые, которые раньше разрешали упоминать имя Столыпина только в обрамлении самых плохих слов, теперь стараются вычеркнуть любую критику в его адрес.

Что же произошло? В чем причины феномена Столыпина? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, необходимо напомнить основные вехи его жизни. А заодно предупредить, что дело Столыпина нельзя понять без выяснения некоторых специальных предметов.

I

Петр Аркадьевич Столыпин происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI века. На протяжении веков этот род дал России плеяду дипломатов, государственных деятелей, военачальников. Родственными узами со Столыпинными был связан М. Лермонтов. П. А. Столыпин родился в 1862 году. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Служил в министерстве государственных имуществ, затем перешел в министерство внутренних дел и был назначен ковенским уездным предводителем дворянства. С 1902 г. он — гродненский губернатор, через год — саратовский. В апреле 1906 г. назначен на пост министра внутренних дел, а в июле того же года становится председателем Совета министров. Эти два поста он занимал до конца своей жизни. 1 сентября 1911 г. был смертельно ранен в Киеве агентом охраны Д. Богровым. Было ему тогда 49 лет¹.

Около семидесятилетия о нем почти не вспоминали. Еще совсем недавно абитуриенты особым невежеством отличались именно по части столыпинской аграрной реформы. И вдруг такой интерес, такой ажиотаж. Думается, что причины этого заключаются в общественном разочаровании в возможностях и перспективах колхозно-совхозной системы. Понадоби-

¹ Подробнее см. Зырянов П. Н. Петр Аркадьевич Столыпин. «Вопросы истории», 1990, № 6.

Зырянов П. Н. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

лось что-то противопоставить этой системе — и бывшие абитуриенты вспомнили о Столыпине и его реформе.

Очевидно, что такое противопоставление основано на сложившихся стереотипах: Сталин — «отец» колхозов, Столыпин — «отец» фермеров. Если же попытаться вникнуть в тенденции исторического развития, то получится, что Столыпин и Сталин, по существу, связаны с одной общей линией этого развития.

II

Постараюсь пояснить это в самой общей форме.

В аграрном строе капиталистической России было два наиболее крупных пережиточных явления — раздутые помещичьи латифундии и крестьянская община. Историки ведут длительный спор о том, насколько капиталистически переродились помещичьи хозяйства. Я отношусь к тем, которые считают, что это перерождение не зашло слишком далеко. В ту эпоху, до тракторов, вести чисто капиталистическое хозяйство на больших площадях было просто нерентабельно. В. Ленин считал, что при достигнутом на рубеже XIX—XX вв. техническом уровне земледелия капиталистическое хозяйство может освоить примерно 500 дес земли². Следовательно, более крупные имения полностью или частично являются докапиталистическими латифундиями. Между тем площадь некоторых имений достигала нескольких тысяч десятин. Многоземелье помещиков было оборотной стороной крестьянского малоземелья. Крестьяне были вынуждены арендовать часть помещичьих земель. За это они были обязаны со своими лошадьми и инвентарем обработать у помещика определенные участки. Это называлось «отработками». Практиковалась также «испольщина» (половина выращенного и собранного крестьянином урожая на арендованных землях шла помещику), был в ходу «зимний наем» (договор о найме заключался зимой, когда у крестьянина кончался хлеб), применялись и другие кабальные, полукрепостнические формы эксплуатации. Только их использование и позволяло существовать латифундиям. Правда, в результате роста товарно-денежных отношений «отработки» и «испольщина» постепенно вытеснялись. Но зато неуклонно росла арендная плата, сочетавшаяся с наложенными на крестьянство выкупными платежами и прочими налогами и поборами. Даже Столыпин, будучи саратовским губернатором, докладывал царю, что в некоторых уездах существуют «несоразмерно высокие арендные цены». «В хороший год,— писал он,— урожай с трудом оправдывает эти цены, в плохой и даже средний — крестьянин даром отдает свой труд»³. Снижение арендных цен было одним из главных требований крестьянства в годы первой русской революции.

III

Теперь несколько слов о втором пережиточном явлении российского аграрного строя — о крестьянской общине. Это еще более древний институт, чем помещичья латифундия. Не надо только отождествлять общину с круговой порукой и другими фискально-полицейскими установлениями. Все это шло от государства, навязывалось общине сверху. Община существовала на Руси с незапамятных времен. Набеги кочевников, бесчинства феодалов, тяжелый крестьянский труд — все это заставляло крестьян теснее спланиваться, приходиться друг к другу на выручку.

² См. Л е н и н В. И. Поли. собр. соч., т. 21, с. 309.

³ Красный архив, 1926, т. 4(17), с. 84.

В общине крестьяне владели землей чересполосно. Имея полосы в разных местах, крестьянин ежегодно получал средний для данного года урожай: в засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый — на взгорках. В XVIII в., когда численность крестьянского населения настолько умножилась, что стала чувствоваться теснота, в общинах начались переделы земли. Землю делили по работникам или по наличным душам мужского пола. Переделы повторялись в среднем раз в 12 лет. Некоторые общины (около третьей части всех общин) не переделывали землю.

Крестьянская община — явление всемирно-историческое. В Индии и некоторых других странах она существует до сих пор. В Европе исчезла еще в средние века. Но чересполосица, как отголосок общинного владения, в некоторых европейских государствах остается и поныне.

В нашей современной публицистике утвердился очень односторонний взгляд на общину. Ее называют то «осколком первобытнообщинного строя», то «осколком с прошлых феодальных отношений». Журналисты переписывают друг у друга наиболее хлесткие определения, нисколько над ними не задумываясь. Должен, впрочем, сказать, что и я, 20 лет тому назад начиная заниматься проблемой общины, придерживался схожих взглядов. Но затем изменил их, лучше узнав факты, переворотив гору документов, научившись читать выцветшие бумаги, исписанные ужасным крестьянским почерком.

Да, в пореформенную эпоху община была пережиточным явлением. Но почему-то получалось всегда так, что в меняющихся условиях изменялась и община. Еще в период феодализма она многое сделала для утверждения трехпольной системы земледелия вместо беспорядочного засеивания одних и тех же площадей. Затем, после реформы 1861 г. наступил сравнительно благоприятный для крестьянского хозяйства период: распались крепостные цепи, малоземелье еще не очень остро ощущалось, цены на хлеб держались высокие. И в громадном большинстве общин, в целых регионах, прекратились земельные переделы. Стихийно начался процесс формирования частной собственности на общинную землю. Ее стали продавать, дарить, завещать по наследству. «Духовное завещание уважается обществом еще сильнее благодаря, может быть, тем проклятиям, которые обещает завещатель нарушителям его воли», — сообщали земские статистики из Херсонской губернии⁴.

Но в 80—90-х годах в Европу прорвался дешевый хлеб с американского континента. Разразился мировой сельскохозяйственный кризис, цены на хлеб резко упали, а помещики, взвинтив арендные цены, поспешили переложить убытки на крестьян. К тому же сильно выросла численность крестьянского населения, и на общинных землях стало совсем тесно. Наконец, случился ряд неурожайных лет, особенно сильный неурожай был в 1891 году. Встал вопрос о физическом выживании крестьянского населения. И община после нелегкой внутренней борьбы вынуждена была возобновить переделы. Тогда же появился самый уравнительный вид разверстки — по едокам. Напрасно пишут современные публицисты, будто стремление к примитивной уравнительности — неистребимая черта характера нашего народа. Изучение общины показывает, что уравнительные тенденции начинали активно действовать только в годину народных бедствий. В благоприятные же периоды они исчезали и забывались. Слишком, однако, мало было в истории России хороших лет.

Сразу после возобновления переделов перед общиной встал вопрос: как быть, если один крестьянин всегда удобрял свои полосы, а другой

⁴ В. В. [Воронцов В. П.] Крестьянская община. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. I. М., 1892, с. 159.

довел их до истощения? Споры по этому поводу были долгими, и решений было несколько. Иногда торжествовал принцип грубой уравнительности. Однако с течением времени даже в черноземных губерниях крестьяне начинали понимать, что земля нуждается в удобрении. Иногда ближайšie к селению и наиболее удобряемые полосы вовсе исключались из передела. Иногда же все домохозяева брали на себя обязательство вносить удобрения. В 1893 г. на сходе в с. Никольский Азясь Мокшанского уезда Пензенской губернии был принят приговор о переделе земли, в котором, в частности, говорилось: «Мы, крестьяне, должны землю удобрять назьмом, а если по истечении 12-летнего срока земля будет переделаться и окажутся участки земли неуазьменными, то при разделе нерадивому домохозяину возратить тот самый участок, который не был удобрен им в течение 12 лет»⁵.

Голодные годы многому научили, и с конца XIX в. в ряде нечерноземных губерний крестьяне начали отказываться от старой трехпольной системы и всем обществом переходить к многопольным севооборотам с высевом кормовых трав⁶. Правда, этот процесс шел медленно. Но в сельском хозяйстве медленное, но неуклонное накопление новых явлений как раз и является залогом здорового развития.

С 1 января 1907 г. перестали взиматься выкупные платежи, которые правительство более 40 лет выкачивало из деревни. У крестьян появились деньги, и многопольные севообороты начали вводиться и в черноземных, и в северных общинах. Но... началась столыпинская земельная реформа. Сумятица и неразбериха, внесенные этой реформой в жизнь общины, сильно задержали распространение многопольных севооборотов на крестьянских землях.

IV

Некоторые современные публицисты считают, что община имела много черт, общих с колхозами. Думается, что такие утверждения могут исходить только из очень поверхностного знания вопроса. Действительно, «голубой мечтой» аграрных теоретиков народнического толка был переход крестьян к коллективному ведению хозяйства, и они охотно расписывали те случаи, когда крестьяне, скажем, всем миром скашивали луг, а сено делили в копнах. Но дальше этого дело не шло. А все попытки перехода к коллективному хозяйству инспирировались извне, теми «мудрецами», которые считали, что коллективное хозяйство принесет всеобщее изобилие и процветание.

Еще в военных поселениях А. Аракчеев сселял несколько семей в один дом и заставлял их вести общее хозяйство. Все сельскохозяйственные работы в военных поселениях производились только по приказу командира. А поскольку офицеров интересовала прежде всего шагистика и они мало разбирались в земледелии, то случалось, что хлеб осыпался на корню, а сено гнило под дождем. Особенно большие притеснения испытывали зажиточные хозяева. Аракчеев считал, что «нет ничего опаснее богатого поселянина». Он тотчас возмечтает о свободе и не захочет быть поселянином». В районах военных поселений почти совершенно прекратилась торговля, зачахла ремесла⁷. Крестьяне неоднократно восставали против военных поселений. Тем не менее они просуществовали 40 лет, с 1816 по 1857 год.

⁵ Госархив Пензенской области. Ф. 53. Оп. I. Д. 1048. Л. 11.

⁶ См. Зырянов П.Н. Роль крестьянской общины в использовании и восстановлении естественных ресурсов (на материалах русской общины 1861 — 1905 гг.). «Общество и при рода:». М., 1981, с. 208—210.

⁷ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 167—177.

В начале царствования Николая I во главе удельного ведомства был поставлен Л. Перовский (отец известной революционерки С. Перовской). Он предпринял ряд энергичных действий по поднятию доходности удельных имений и устройению быта проживающих в них крестьян. Чтобы иметь запасы хлеба на случай неурожая, Перовский распорядился о создании «общественных запасек». Под них выделялись лучшие земли из состава крестьянского надела. Каждый двор обязан был наряжать на их обработку определенное число работников. Урожай шел в хлебозапасные магазины, частично отправлялся в другие губернии, где случался недород, или же продавался, а деньги расходовались по усмотрению чиновников удельного ведомства. Введение «общественных запасек» вызывало особое недовольство удельных крестьян. В ряде мест произошли волнения. Несмотря на это, опыт Перовского был признан удачным, и П. Киселев использовал его при проведении реформ в управлении государственными крестьянами. Особое внимание уделялось внедрению картофеля на землях, отведенных под «общественную запашку». Крестьяне увидели в этом попытку введения казенной барщины. В 1840—44 годах по государственному деревням прокатилась волна «картофельных бунтов»⁸.

В 1835 г. власти попытались ввести «общественную запашку» на землях Оренбургского казачьего войска. Здесь тоже произошли волнения⁹.

После отмены крепостного права крестьяне поспешили избавиться от «общественных запасек». Однако по инициативе земств, в руки которых перешло продовольственное дело, кое-где они были восстановлены. «Что-то не слышно, — с иронией писал публицист К. Головин, — чтоб эти запашки давали блестящий урожай»¹⁰.

12 июня 1900 г. были приняты «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей»¹¹. Продовольственное дело было передано из рук земства в ведение администрации. «Общественные запашки» не упоминались во «Временных правилах», но кое-где продолжали существовать. С мест сообщалось о плохой обработке общественных земель и стабильно низких на них урожаях¹². Лишь с приходом Столыпина на пост министра внутренних дел «общественные запашки» наконец исчезли.

В целом можно сказать, что попытки насадить какие-то элементы коллективного хозяйства в деревне в действиях царских властей прослеживаются на протяжении всего XIX в., причем более отчетливо — в первой половине. Конечно, в те времена эти попытки не составляли целенаправленной политики. Но важно подчеркнуть, что всегда такие попытки исходили извне (от властей или земства) и всегда они наталкивались на сопротивление крестьянской общины.

Вообще же защита крестьянина от всякого рода посягательств со стороны помещика и властей была одной из важнейших функций общины. Отдельное крестьянское хозяйство по сравнению с помещичьей латифундией было настолько малой величиной, что между ними невозможен был сколько-нибудь равный диалог. Все сношения крестьянина с помещиками и властями осуществлялись, как правило, через общину. Именно она торговалась с помещиком насчет аренды, а потом распределяла и арендованные участки, и отработки. Без общины помещик окончательно бы смял и поработил крестьянина, лишил его всякой исторической пер-

⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IV. М., 1967, с. 290—296.

⁹ Хорошхин М. П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. Приложение I, с. 33.

¹⁰ Головин К. Ф. Сельская община в литературе и действительности. СПб., 1887, с. 69.

¹¹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 20, № 18855.

¹² Госархив Пензенской области. Ф. 53. Оп. I. Д. 739. Л. 2.

спективы. Как могла, община отстаивала интересы крестьян, выступая в роли своеобразного крестьянского «профсоюза», а в революционные годы — и «стачкома».

V

Судьбы общины и помещичьего хозяйства на целые века были сплетены теснейшим образом. Но каждый из них мог существовать без другого — и добивался этого. Поскольку большинство помещиков село на крестьянские земли сравнительно недавно, в XVIII в., когда цари особенно щедро раздавали имения своим приближенным и фаворитам, община продолжала считать помещичьи земли не по праву от нее отторгнутыми. В экономическом смысле ликвидация помещичьего землевладения открывала путь для наиболее демократического решения аграрного вопроса. Крестьянин, получив землю и избавившись от кабальных форм эксплуатации, имел возможность поднять уровень своего хозяйства. В таких условиях община должна была либо ускорить свою перестройку, либо тихо уйти со сцены. После ликвидации помещичьего землевладения крестьянин уже не испытывал в ней острой нужды.

В свою очередь, и помещики были недовольны существованием общины. По поводу условий найма и аренды помещик предпочел бы договариваться не со всем крестьянским «миром», а с каждым отдельным крестьянином. Большие опасения вызывал у помещиков земельно-распределительный механизм общины, который только силой всей государственной машины удерживался на границе помещичьих владений.

В период революции 1905—1907 гг. помещики в один голос заговорили о необходимости скорейшей ликвидации общины. Именно она была организатором разгрома помещичьих усадеб, захвата или уничтожения помещичьего имущества. Помещики понесли миллионные убытки. Правда, на личность землевладельца крестьяне обычно не посягали. Человеческих жертв со стороны помещиков было очень мало. Как отмечает английский историк Т. Шанин, «некоторые правила самоограничения» крестьянами строго соблюдались¹³.

Стремясь настроить против общины правительство и общественное мнение, помещики выставляли ее виновницей всех деревенских неурядиц и низкого уровня сельского хозяйства в России. Ликвидация общины привела бы к раздроблению крестьянства, что открывало перед помещиками возможности спокойного хозяйствования и перестройки своих имений на капиталистический лад. Но это был бы очень затяжной путь эволюции, мучительный для широкого крестьянства. Одна его часть (небольшая) возвысилась бы до положения крепких хозяев, другая — разорилась бы, перешла в батраки или ушла в город, а третья (основная) долгое время должна была бы прозябать в прежнем кабальном положении. По традиции, восходящей к ленинским работам, первый, демократический, путь аграрного развития мы условно называем американским, второй, консервативный, — прусским. Условно потому, что в нашей стране невозможно было в точности воспроизвести ни прусский, ни американский путь.

VI

Попытка воспроизведения прусского опыта в масштабах России принадлежала зачинателям столыпинской аграрной реформы, задуманной во спасение помещиков. Первоочередной ее целью была ликвидация общины. Для этого нужна была целая серия мер по разъединению крестьянского

¹³ Shanin Th. Russia, 1905—1907: Revolution as a Moment of Truth. L., 1986, p. 90.

общества и крестьянских наделов. Указ 9 ноября 1906 г. был первым шагом на этом пути¹⁴. По выражению Столыпина, он должен был «вбить клин» в общину. Согласно указу, каждый домохозяин мог потребовать укрепления в личную собственность надела, находящегося в его пользовании. В первую очередь за такую возможность должны были ухватиться те, кому при ближайшем переделе грозила потеря части надела. Укрепленный надел можно было продать, полностью или частично, или же потребовать соединить все его разбросанные в разных местах полосы в один участок (отруб). Если же к отрубам подверстать площадь деревенской усадьбы и перенести на нее жилье, то он превратится в хутор. При помощи укрепления правительство нарушало единство крестьянского «мира», отруба разъединяли крестьянские наделы, а хутора уничтожали деревню и вместе с ней — тысячелетний крестьянский «мир».

Строго говоря, хутора и отруба не являются непременным условием для перехода к более интенсивным формам хозяйства. Вот что пишет по этому поводу американский историк Дж. Ейни: «Нигде в мире не наблюдалось такого практического опыта, который бы показал, что соединенные в одно целое поля принесли с собой агрикультурный прогресс, и некоторые современные исследователи крестьянской агрикультуры фактически отрицают подобную причинно-следственную связь... С 40-х годов XX в. в Западной Европе прилагались мощные усилия к объединению владений, но система открытых полей до сих пор широко распространена среди некоторых наиболее продуктивных хозяйств».

Община обычно не возражала, если при очередном переделе кто-то изъявлял желание основать хутор на краю надела. Получай и живи. Но ведь хуторяне, зная о поддержке властей, чаще всего требовали себе земель ближайших и лучших. К тому же землеустроительные комиссии предпочитали не возиться с отдельным домохозяином, а разбивать на хутора или отруба всю деревню, достигая согласия крестьян нередко путем грубого давления.

Об одном характерном случае рассказывается в воспоминаниях земского начальника В. Поливанова. Автор служил в Грязовецком уезде Вологодской губернии. Однажды, рано утром в страдную пору, в одну из деревень нагрянул непременный член землеустроительной комиссии. Был созван сход, и непременный член объяснил «мужичкам», что им надо выходить на хутора: общество небольшое, земли достаточно и вода с трех сторон. «Я как план посмотрел, так и говорю своему писарю: скорей Лопатиху на хутора переводить надо». Посоветовавшись между собой, сходчики ответили отказом. Ни обещания предоставить ссуду, ни угрозы арестовать «бунтовщиков» и привести на постой солдат не производили впечатления. Крестьяне твердили: «Как старики жили, так и мы будем жить, а на хутора не согласны». Тогда непременный член отправился пить чай, а крестьянам запретил расходиться и садиться на землю. После чаепития непременного потянуло на сон. К ожидавшим под окнами крестьянам он вышел поздно вечером. «Ну как, согласны?» — «Все согласны! — дружно ответил сход. — На хутора так на хутора, на осину так на осину, только чтобы всем, значит, вместе». Поливанов утверждал, что ему удалось дойти до губернатора и восстановить справедливость¹⁷. Если это так, то перед нами типичный случай с нетипичным эпилогом. Недаром же в деревнях происходили бунты против землеустроителей. Разбивка целых селений приводила к тому, что на хуторах и отрубях

¹⁴ ПСЗ. Собр. 3. Т. 26, № 28528.

¹⁵ Koefoed С. А. My Share in the Stolypin Agrarian Reforms. Odense 1985, p. 111

¹⁶ Ya ney G. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia. Urbana, Chicago, London, 1982, p. 167.

¹⁷ Поливанов В. Записки земского начальника. «Русская мысль», 1917, №7/8, с. 78—82.

оказывалась и беднота с ее крошечными наделами. Едва ли половина хуторов и отрубов, образованных на крестьянских землях, была жизнеспособна. Вообще в замысле столыпинской аграрной реформы очень велик был элемент надуманности, схематизма, «кабинетности». Хутора и отруба считались универсальным средством поднятия крестьянской агрикультуры на всем протяжении от Польши до Дальнего Востока. Земские агрономы, помогавшие вводить многополье на общинных землях, попадали в немилость. В дальнейшем нас столько раз подводила эта вера в единственное спасительное средство...

VII

Несколько слов надо сказать о том, как оценивается на Западе столыпинская аграрная реформа. Раньше преобладали апологетические оценки. Считалось, что реформа создавала все условия для модернизации русской деревни, но первая мировая война прервала этот процесс. Подобную точку зрения отстаивали такие историки старшего поколения, как Л. Волин, Л. Страховский, Дж. Токмаков. Однако уже А. Гершенкрон, тоже историк старшего поколения, более сдержанно относился к этой реформе¹⁸. Впоследствии в работах зарубежных историков стало преобладать критическое к ней отношение. Тот же Ейни чересполосные укрепления считает чисто бюрократическими упражнениями, сомневается в пользе хуторов и отрубов. Единственным полезным делом столыпинских реформаторов, по его мнению, было «групповое землеустройство» (размежевание соседних деревень, выдел выселков и т. п.). «Следует помнить,— пишет далее американский историк,— что Столыпин прославился не только аграрной реформой, которая с ним связывается, но и тем, что при нем и его предшественнике на посту министра внутренних дел по приговорам военных судов было казнено около 2 тыс. человек»¹⁹.

Израильский историк М. Конфино пишет, что программа Столыпина «была утопична своей переоценкой царской бюрократии и недооценкой силы крестьянского общества»²⁰. Можно было бы привести и другие схожие оценки. Не может не вызвать удивления то, с каким апломбом и эмоциональным напором некоторые наши публицисты повторяют суждения и выводы, имевшие хождение в зарубежной литературе несколько десятилетий тому назад.

VIII

Общие итоги столыпинской аграрной реформы выражаются в следующих цифрах. Всего к 1 января 1916 г. из общины вышло около 3 млн домохозяев, что составляет примерно третью часть общей их численности в тех губерниях, где проводилась реформа. Но некоторые из выделенцев фактически давно уже не были домохозяевами, постоянно жили в городе, а укрепили свой заброшенный надел только для того чтобы его продать. Другие домохозяева (примерно 16%), продав укрепленный надел, переселились в Сибирь. Из общинного оборота было изъято 22% земель. Значительная их часть пошла на продажу. Иногда землю покупало сельское общество, и она возвращалась в мирской котел. Бывало, что «мироеды» скупали чересполосные наделы и отдавали их в аренду крестьянам-общинникам. Но последние и сами покупали землю. Владея

¹⁸ Подробнее см.: Зырянов П. Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы. "История СССР", 1973, № 6.

¹⁹ Yaney G. Op. cit., p. 145, 191.

²⁰ Confino M. Russian Customary Law and the Study of Peasant Mentalities. "Russian Review" Vol. 44, No 1. 1985, p. 43.

общинным наделом, они, случалось, имели и несколько «укрепленных» полос. Все запутывалось и все получалось не так, как задумало правительство.

К началу войны было создано примерно 1,5 млн участковых хозяйств (200 тыс. хуторов и 1,3 млн отрубков). К участковому хозяйству перешло около 10% крестьянских дворов²¹. Выше уже говорилось, что многие хутора и отруба не были жизнеспособны. Властям не удалось ни разрушить общину, ни создать устойчивый и достаточно массовый слой крестьян-собственников. Так что можно говорить об общей неудаче столыпинской аграрной реформы.

Тем не менее после окончания первой русской революции и до начала мировой войны положение в деревне заметно улучшилось. Связано ли это с аграрной реформой? Думается, что действовали другие факторы. Во-первых,— отмена выкупных платежей. Это было большим облегчением. Во-вторых,— окончание мирового сельскохозяйственного кризиса и рост цен на зерно. В-третьих,— сильное сокращение за годы революции помещичьего землевладения, что вело к уменьшению кабальных форм эксплуатации. Наконец, в-четвертых,— отсутствие в тот период сильных неурожаев, за исключением 1911 года. Но зато подряд два года (1912— 1913) были очень хорошие урожаи. Что касается аграрной реформы, то она имела настолько широкомасштабный характер, потребовала столь значительной земельной перетряски, что ее положительные результаты никак не могли сказаться в первые же годы. Сами крестьяне еще лучше бы воспользовались этим коротким, сравнительно благоприятным периодом, если бы реформа не проводилась, если бы правительство ограничилось такими мерами, как переселение, агрономическая помощь, размежевание сельских обществ и т.п.

IX

В статье доктора исторических наук В. Сироткина («Учительская газета», 26 сентября 1989 г.) говорится, что «Декрет о земле» 1917 г. «довершил дело Столыпина: тысячелетняя земельная сельская община распалась». К сожалению, это просто фактически неверно. Начнем с того, что после «Декрета о земле» община отнюдь не распалась. Наоборот, помещичья земля была разделена между крестьянами при помощи общинного земельно-распределительного механизма. Не будь общины, сделать это было бы гораздо трудней. В первые годы Советской власти община укрепилась. А вообще она просуществовала до коллективизации.

Столь же неверно считать ленинский «Декрет о земле» продолжением столыпинской реформы. Хотя бы потому, что реформа сохраняла в неприкосновенности помещичье землевладение, а «Декрет о земле» наносил по нему решительный удар. Хотя бы потому, что столыпинская реформа шла по линии консервативного, помещичьего решения аграрного вопроса, а «Декрет о земле» — по пути демократического, крестьянского решения. Так что «Декрет о земле» был не «завершением», а альтернативой столыпинской земельной реформе. Ликвидация помещичьего землевладения была в то время одной из важнейших национальных задач. И недаром Учредительное собрание в первый и единственный день своей работы, 5 января 1918 г., успело принять «Закон о земле», в главных положениях совпадавший с ленинским декретом²².

Но ликвидация помещичьего землевладения сама по себе еще не решала аграрного вопроса. Предстояли годы кропотливой и терпеливой

²¹ Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? «Звезда», 1990, № 12, с. 122.

²² Всероссийское Учредительное собрание. Сб. документов. М.-Л., 1930, с. 112.

работы по поднятию агротехнического уровня крестьянского хозяйства и его товарности. Вместо этого началась коллективизация.

Как ни странно, коллективизация продолжила ту линию консервативного развития, на которой была расположена и столыпинская аграрная реформа. Дело в том, что коллективизацию нельзя рассматривать как единовременный акт, в отрыве от последующих шагов. В 1950—53 годах состоялось первое массовое укрупнение колхозов²³. Затем были последующие укрупнения, многие колхозы преобразовали в совхозы. В итоге появились новые латифундии, гораздо более мощные, чем до революции. Хотя теперь уже не помещицы, а казенные.

Не надо только путать латифундии и крупные хозяйства. Существовая в условиях рынка и поземельного налога, крупное предпринимательское хозяйство волей-неволей будет придерживаться оптимальных размеров своего землевладения. Создание мощных тракторов не раздвинуло эти размеры до бесконечности. За землей надо ухаживать, а не уминать ее сверхтяжелыми «кировцами». Между тем человеческий труд, если его по-настоящему оплачивать, стоит очень дорого. Но латифундия может иметь земли сверх всякой меры, потому что она не связана с хозрасчетом и использует труд с элементами внеэкономического принуждения. Когда-то это были отработки и прочие формы кабальной зависимости, затем «трудодни», которые зачастую никак не оплачивались, затем — использование студентов, школьников, солдат, «шефская помощь» горожан. Говорят, «без этого пока не обойтись». Да, не обойтись, если по-прежнему делать ставку на латифундии, которые могут существовать только с использованием таких форм труда.

X

Как и многих сограждан, меня беспокоит наша нынешняя аграрная реформа. Она никак не «вытанцовывается», ее тянут в разные стороны. Одни стремятся свести перемены к фактическому отсутствию перемен. Другие увлекаются зарубежным опытом (китайские арендаторы, американские фермеры), полагая, что на нашей почве может прижиться любой злак. Словесные битвы происходят вокруг отвлеченных теоретических понятий: «общественная собственность» — «частная собственность». Как будто колхозно-совхозная собственность и в самом деле является «общественной», а частная собственность способна сразу всех нас накормить (подобно хуторам-отрубам или кукурузе). Собирались даже проводить референдум по такому сугубо академическому вопросу. Хотелось бы, однако, напомнить, что нет на земле абсолютно плохих и абсолютно хороших форм собственности. Все зависит от исторических условий, от конкретного содержания той или иной формы собственности.

Я отнюдь не противник фермерского хозяйства. Считаю, что его надо поддерживать и развивать. Но сомневаюсь, что когда-либо в российской глубинке будут сплошь одни фермеры. Нам никогда не переделать нашу страну в Америку, слишком от нас далекую и непохожую. Наши фермеры, наверно, так и останутся авангардом, передовым отрядом нашего крестьянства. Но авангард бывает обречен, если он слишком далеко отрывается от основных сил армии. То, что сейчас происходит именно такой отрыв, почему-то мало беспокоит сторонников аграрной реформы. Общее настроение деревни списывается на счет косности, инертности и развращающего влияния старой системы. На некоторых собраниях горячие головы утверждают, что ничего не получится, если не «заменить»

²³ См. Долгов В. С. Колхозный строй в СССР в 50-е годы. «Исторические записки», т. 111, М., 1984, с. 23.

нынешнее сельское население. «Реформа хорошая, а народ плохой» — знакомый мотив со времен «картофельных бунтов».

Сельское хозяйство не любит слишком крутых перемен. Это сравнительно консервативный вид человеческой деятельности. Надо отдавать себе отчет в том, что в ближайшем будущем колхозы и совхозы будут продолжать доминировать в зерновом производстве. Но разумно ли то, что колхоз пашет под самыми окнами, а крестьянин бежит пешком за десять километров на покос? Уговоры здесь не подействуют. Надо выводить из колхозно-совхозного владения ближайшие к деревне земли и создавать из них особый фонд, за счет которого можно было бы воссоздать выгоны и пастбища, сенокосы, расширить приусадебные участки. Честно говоря, я не вижу большой разницы в том, как будут называться эти земли — частные, общественные или муниципальные. Важно, чтобы хозяин владел своей землей пожизненно, мог передать ее по наследству или переуступить соседу, а за порядком на выгонах и пастбищах следила бы местная власть. Важно также, чтобы владение приусадебными участками не было, связано с работой в колхозе или совхозе. Если же все это дополнить мерами по обеспечению крестьянского хозяйства соответствующей техникой, семенами, строительными материалами и кредитом, то уже в ближайшее время оно сможет взять на свои плечи основной груз по снабжению населения овощами и продуктами животноводства.

Столыпин был крупным государственным деятелем, хотя вряд ли особенно выдающимся. Еще тогда, до революции, некоторые авторы отмечали, что он не дотягивает до уровня О. Бисмарка и К. Кавура²⁴. Столыпин не смог примирить старую Россию и новые времена. Он ушел из жизни, не понятый и не принятый ни старой Россией, ни новыми временами.

Вместе с тем Столыпин умело защищал широко понятые интересы того класса, к которому принадлежал. Он был прекрасным оратором, охотно и умело вел диалог с прессой, с представительными учреждениями, с общественностью. У его оппонентов никогда не возникало ощущения, что они спорят со статуей. Нет, перед ними был живой человек, который понимал их аргументы и выдвигал свои. При этом, однако, не следует забывать, что Столыпин был очень предрасположен к демагогии. Говорил одно, а делал другое. И при всем своем умении вести диалог с общественностью, он опирался не на нее, а на бюрократию и полицейский аппарат, на дворянство. Убежденный в правильности своих проектов, он не считал настоятельно необходимым убедить в этом народ. Будучи еще гродненским губернатором, он однажды высказал мысль, что не следует «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы»: народ темен, и неизвестно, когда он созреет до понимания ее настоятельной необходимости²⁵. Заняв пост председателя Совета министров, он стал говорить противоположное, но действовал, исходя из прежних своих взглядов.

К сожалению, из этих же взглядов исходили и последующие наши аграрные «реформаторы», без тени сомнения проводившие в жизнь свои проекты в нашей многострадальной деревне. Очень дорогой ценой дается нам понимание того, что не надо учить народ жить. Народ сам накормит себя и оденет, если ему не мешать.

²⁴Изгоев А. С. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности М. 1912 с. 131.

²⁵Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности Т. XI. Гродненская губерния. СПб., 1903, с. 76.